

**В.И. ЛЕНИН И ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ:  
ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУССИИ  
(Семинар 3 ноября 2010 г., ИНИОН РАН)**



**И.И. Глебова** (ИНИОН РАН): Сегодня на нашем семинаре выступит профессор Будапештского университета им. Л. Этвеша, заведующий кафедрой истории Восточной Европы Тамаш Краус. Тему своего выступления он обозначил таким образом: история, историографические и теоретические позиции в обсуждении ленинской тематики. Я полагаю, выступление так или иначе связано с книгой профессора Крауса, которая совсем недавно вышла в Венгрии, США и готовится к изданию в России<sup>1</sup>. Слово докладчику.



**Тамаш Краус:** Спасибо, коллеги, что пришли на эту дискуссию, несмотря на канун праздников. Я, правда, не понимаю суть этой даты – 4 ноября, но в конце концов это ваш выбор. В рамках 20–30 минут я решил высказать несколько самых общих и предварительных тезисов. Возможны некоторые недоразумения, так как я буду говорить по-русски, а не по-венгерски, но все, думаю, разрешимо в ходе дискуссии.

Прежде всего, несколько слов об актуальности предложенной мною тематики. Я вовсе не произвольно и не так уж давно ее выбрал, хотя и занимаюсь историей СССР много лет. В начале 90-х годов я понял, что новый режим в целях собственной легитимации должен будет актуализировать ленинскую тематику. И действительно, не только в Восточной Европе (в том числе, конечно, в странах бывшего Советского Союза), но и на Западе наследие Ленина было подвергнуто переинтерпретации. Я не хочу называть никаких фамилий, но есть такой российский автор, который первый том своего труда о Ленине опубликовал до 1989 г., а другой после. Между этими томами оказались очень глубокие противоречия. Причина понятна – была нужда в новой легитимационной идеологии.

Ленинская тема перестала быть научной. Вокруг нее в 1990-х годах вспыхнула прямо идеологическая борьба. Вели и руководили ею люди, которые еще несколько лет назад (даже в перестроечные времена) маршировали под знаменем Ленина. И вот пять-шесть лет назад я решил, что напишу книгу, где расскажу об этой борьбе, о пересмотре подходов к ленинской теме. Мне хотелось подчеркнуть, что при старом режиме была своя, достаточно односторонняя логика в изучении этой темы (как, впрочем, и всего советского периода). Сейчас на основе уже либеральной логики, заместившей старую, определились новые позиции, но тоже весьма односторонние. Исходя из ложной нигилистической посылки, вдруг решили, что можно «выгнать» 70 лет из истории. Но это невозможно – что же тогда останется? У меня это главный вопрос в книге: что останется из ленинского наследия? И можно ли втиснуть всего Ленина, всю ленинскую тему в нарратив терроризма, террора или все-таки для ученых это невозможно?

Что еще мне казалось важным? Я стремился понять, почему Ленина сложно и даже невозможно интегрировать в новую социокультурную систему. Кстати, советская культура, по-моему, по крайней мере не хуже, чем царская. В ней соединилось очень много смыслов, ценностей. На Западе же пытаются критически переоценить даже такие элементы советской культуры, которые, по-моему, неоспоримы. Но это в скобках, в качестве ремарки. Так вот, я понял, почему Ленин не интегрируется в постсоветскую систему. Он (его наследие, конечно) с ней несовместим, работает против нее. Даже элементы его наследия, возникшие во время нэпа, – против этой социальной системы. Против нее – все его высказывания (как демократические, так и о терроре), все его идеи.

Но так же с Марксом: у него, например, есть научные работы, очень серьезные с философско-исторической точки зрения, о капиталистических кризисах. Маркс тоже капиталистическую систему как бы вскрывает изнутри, разоблачает и «взрывает» научными методами. У Ленина нет собственно научных (в Марковом смысле слова) достижений, зато есть исторические исследования – и самое известное «О развитии капитализма в России». Эту книгу читают и сегодня во многих странах, где я бываю, даже в Америке. Там каждая страница – против существующей общественной системы. Поэтому так трудно сейчас заниматься Лениным.

И здесь следует сделать первое, важное для изучающего историографию ленинской темы замечание. И нам, в Венгрии, и вам, в России, следует понять: не надо бояться Ленина; связанный с ним

<sup>1</sup> Krausz T. Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció. – Bp.: Napvilág, 2008. Русское издание: Краус Т. Ленин: Социально-теоретическая реконструкция. – М.: Наука, 2011. – 395 с.

исторический перелом сейчас не повторится. Ленин – это уже историческое явление; зачем воевать против него? Мы живем в новом мире, в котором многое изменилось: не существует того рабочего класса, той фазы развития капитализма, того типа рабочего движения. Октябрьская революция и обусловленный ею исторический процесс закончились, Ленин ушел. И хотя после смены режима уже появились новые опасности, спровоцированные рыночными радикалами, повторения прошлого не будет. Это ясно – тем не менее борьба против Ленина продолжается. И это – первая проблема.

А вторая – это методология, методологические вопросы. Главный среди них: как понять Ленина, возможно ли это вообще? И здесь надо учитывать несколько моментов. Во-первых, Ленин никогда не будет либеральным. Его, конечно, можно измерять с либеральных позиций, но понять таким образом невозможно. Научный подход – неважно, идет ли речь о Ленине или о ком-то другом, – предполагает анализировать какое-то явление в тех ценностных рамках, которые ему адекватны. Если мы поступаем иначе, о науке не может быть и речи. Ленина следует понимать по его собственной логике и, исходя из нее, можно найти его место в истории. По-моему, это необходимо – ведь мы имеем дело с исторической фигурой, сопоставимой по масштабу в русской истории разве что с Петром Великим. Во-вторых, на Ленина надо смотреть как на целостность. Это самое трудное в работе историка, поэтому, кстати, я так уважаю присутствующего здесь Владлена Логинова; он старается восстановить целое, а не вырывать из Ленина как явления, из его наследия какие-то части. Явление истории нельзя, как машину, разобрать на детали, не имеющие внутренней связи. Так его можно дискредитировать, но крайне затруднительно понять.

Следующий свой методологический тезис я сформулировал бы так: был Ленин, но никогда не существовало ленинизма. Сам Ленин возражал против этого термина, хотя применять его начали в 1906 г. или даже раньше. Надо учитывать, что это понятие утвердилось уже после смерти Ленина и использовалось с легитимационной целью. Но сейчас марксизм-ленинизм как легитимационная идеология остался, а легитимация старого режима умерла. Нельзя Ленина втиснуть в эту идеологию. Для изучения ленинского наследия необходимо снять с него те слои, которые наложились позже. Ленина ведь «препарировали» определенные люди и в связи с вполне определенными интересами. Что же тогда останется от Ленина, спросите вы? Прежде всего то, о чем стоит думать и сегодня, – его постановка социальных вопросов. Это и есть главный нарратив, и я к нему еще вернусь.

Именно этот важнейший нарратив заслонила сейчас проблематика террора. О ней надо сказать хотя бы несколько слов. Здесь важнейший вопрос: где оригинал, откуда она исходит, что имеет своим источником? Иначе говоря, изобрел ли Ленин это явление или унаследовал от каких-то времен? На этот счет в исторической науке, в историографии существуют и конфликтуют очень разные мнения. Мне кажется (и многие историки со мной согласны), что террор (как и революционное насилие вообще) «выходит» не просто из российского исторического развития, из национальных традиций, а прямо из Первой мировой войны. От этого невозможно абстрагироваться; поэтому Ленина так сложно втиснуть в нарратив террора – точнее, сделать персонификатором террора.

Теперь о главном нарративе. В России в последнее десятилетие опубликовано много работ сторонников концепции Э. Валлерстайна. И это верное решение. Мы в Венгрии знали о ней уже в 60-е годы. Правда, не слишком адекватно представляли ее источники. А ведь элементы этой теории – и достаточно хорошо разработанные – есть уже у Ленина. Это научно-теоретическая ценность, которой мы сейчас не можем избежать. Ленин, пожалуй, первым представил мировую систему капитализма в качестве иерархической системы (центр–периферия–полупериферия).

Что еще из ленинского наследия останется, как я думаю, с нами? Это теоретический анализ русского капитализма – чрезвычайно дискуссионная сейчас тема. Никто не посмеет сказать, что у Ленина нет интересных соображений на этот счет. Хотя, конечно, сегодня его гораздо реже цитируют, чем при старом режиме. Зато мы избавились от старых фальсификаций; ленинское наследие очищено, что облегчает его научное познание.

Особый интерес представляют соображения Ленина о перспективах исторического развития России и Европы. Если сузить, следует говорить о возможностях построения социализма. Многие историки характеризуют ленинские представления о социализме как примитивные, используя метафору «казарменного социализма». По-моему, это просто ложь. Причем таким образом мне лгали даже во время перестройки. Ленин был против введения всякого социализма в России. Он никогда и нигде не говорил, что такую систему можно внедрить политическими декларациями и решениями. Все мы знаем, что весной 1918 г. Ленин говорил о новом хозяйстве, а во время Гражданской войны перешел на другую позицию. Позже, в 1920 г., он критиковал собственные взгляды 19-го года – идею

о возможности перехода от военного коммунизма к социализму. В начале 1921 г. Ленин уже считал такой переход невозможным, причем по двум причинам. Во-первых, потому, что русский народ тогда не мог жить без купли-продажи. Во-вторых, большевики ошиблись, приняв за образец для России революцию на Западе. Революция (социалистическая, если мы говорим о начале XX в.), конечно, не русское явление. Это хорошо понимают те, кто знаком с историей международного рабочего движения.

Что, на мой взгляд, останется из ленинской теории партии? Некоторые историки считают это самым слабым пунктом наследия Ленина. Возможно, но и здесь есть некоторые положения, интересные именно сегодня, когда ощущается потребность в партийных экспериментах. Я, конечно, не говорю о так называемых традиционных коммунистических организациях, т.е. о партиях, представляющих собой остатки старого режима. Они – я сужу по Венгрии – вообще не понимают новой ситуации. Не думаю я и о социалистических организациях, которые совсем не знают, куда идти, – ведь нельзя вернуться в XIX век. Создать новую «партию авангарда» сегодня очень трудно, но об этом надо думать. Сейчас много говорят, что классовая политика – выдумка, она провалилась. Но что пришло на ее место? Identity policy. В новой ситуации классовую политику попросту выбросили. Даже так называемые социodemократические и коммунистические партии обратились к новой «политике идентичности».

?

**Ю.С. Пивоваров** (ИНИОН РАН): А что значит – «политика идентичности»?



**Т. Краус:** Это значит, что социальные, классовые соображения квазиустарели, в политике появились новые ожидания, мир меняется в соответствии с новыми идентификационными ориентирами – этническими, национальными. Везде, от Венгрии до Индии, уже господствует этническая идентификация.

?

**Ю.С. Пивоваров:** А раньше доминировала классовая?



**Т. Краус:** Скорее, были разговоры о таком доминировании. Если бы серьезно принимались классовые позиции, СССР и социализм в советской форме не провалились бы. Кстати, ту систему я называю – по Марксу и Ленину – государственным социализмом. Хотелось бы подчеркнуть: у Ленина (и других деятелей его партии) не было планов, которые могли бы осуществиться в сталинское время. То есть не Ленин породил Сталина как историческое, властное явление. Между ними и двумя «режимами» нет преемственности. Если же Сталин сам создал государственный социализм, следует подумать о его исторических предпосылках. Показательно, что в послесталинские времена постоянно говорили, что надо вернуться к Ленину, – даже во время перестройки. Но при этом каждый раз поступали иначе.

Очень важно, что ленинская тема подталкивает к размышлениям о современных перспективах. Сейчас ведь никто не может сказать, куда идти. Вообще, это интересный вопрос – о конечной цели. По Ленину, две известные формы – частная и государственная собственность – не относятся к системе социализма. Это что-то другое, своего рода предыстория. А где нынешний ориентир движения? Сейчас, наверное, можно верить в русский капитализм – почему нет? Вера сама по себе не вредное дело. Но есть опыт. К примеру, хороший человек приходит во власть – в него хочется верить и поначалу действительно верят. Однако время идет, а ничего не меняется. Это заставляет сомневаться, размышлять. Так вот, Ленин дает возможность задуматься о том, стоит ли верить в хороший капитализм. А еще о том, как соединить социологический анализ общества и практическую деятельность. Это ведь Ленин и пытался сделать.

Вот чем хотелось бы закончить. Один из лидеров российских либералов, Е. Гайдар, как-то сказал: если бы путь от перестройки к капитализму не был выложен миллионами долларов, старая бюрократия никогда не пошла бы на смену режима<sup>1</sup>. Это не дословная цитата, но смысл передан точно. Гайдар знал, о чем говорит, поэтому я предлагаю вам об этом задуматься. Если никто не хочет восстанавливать государственную собственность, то что остается? Конец истории? Ленин актуален сейчас именно потому, что поставил вопрос таким образом: возможна ли альтернатива капитализму? В начале 20-х годов никто из новых руководителей не мог его избежать. Конечно, другой вопрос,

<sup>1</sup> См.: Глинкина С.П. Феномен коррупции: Теория и российская практика. Рукопись. С. 27

была ли альтернатива сталинизму? Сегодня, слава Богу, уже не стреляют людей, и можно более свободно подумать об этих вопросах.

Сейчас было бы разумно не сражаться с Лениным – его уже нет, а поразмышлять о его наследии. И в связи с ним – о современных перспективах. Спасибо за внимание.

**И.И. Глебова:** Коллеги, теперь вопросы. Только представляйтесь, пожалуйста.

?**А.В. Гордон** (ИНИОН): Вы сказали, что Ленин в нынешний режим не может быть интегрирован.



**Т. Краус:** Я так полагаю.

?**А.В. Гордон:** А Сталин или сталинизм может?



**Т. Краус:** Я отвечу очень коротко, экономя время для дискуссии. Мне кажется, да – в некоторых своих элементах. В сегодняшней России сложился очень интересный капитализм, в рамках которого, скажем, государственная власть изменяет характер новой буржуазии. Методы его нетипичны. Заметны в нем и элементы великорусского шовинизма (сегодня это, конечно, иначе называется). Национальный шовинизм везде неотделимая часть нового капитализма. Неолиберализм и этнический национализм слиты в некое единство. Одно – причина, другое – следствие.

?**Ю.С. Пивоваров:** У меня вопрос вдогонку тому, который поставил Александр Владимирович Гордон. Тамаш, ты начал свое выступление словами, что легитимация нового режима не обойдется без Ленина. Дальше сказал, что Ленина нельзя интегрировать в новую систему. Мне кажется, здесь есть противоречие. Поясни, пожалуйста.



**Т. Краус:** Может быть, я неточно выразился. Я считаю, что новая идеологическая легитимация требует уничтожения Ленина – именно потому, что его невозможно интегрировать в эту систему.

?**Ю.С. Пивоваров:** А если Ленина нельзя интегрировать в новую систему, то зачем Ленин ей нужен, почему он в ней все время возникает?



**Т. Краус:** Я сказал, что, если принять тезис о хорошем капитализме, это означает конец человеческого развития. Тогда вполне логичен следующий мой тезис: люди, думающие, что этой системе не нужны альтернативы, стремятся выместить, выбросить из нее Ленина. Они и развязали против него войну. Но он появляется как альтернатива этой системе.

**И.И. Глебова:** Есть ли еще вопросы, коллеги? Вопросов нет. Тогда давайте обсуждать. Кто-то хочет высказаться?



**Б.С. Орлов** (ИНИОН РАН): В середине 80-х годов я был в Вене, изучал деятельность австрийской социал-демократии. В библиотеке мне случайно попала в руки книжка «Ленин против Ленина», где были собраны противоположные высказывания В.И. по одним и тем же проблемам. Сравнив их, задал себе вопрос (а тогда я был еще сторонником марксизма): что же, собственно, представляет собой учение Ленина? И когда Вы предлагали понимать Ленина, руководствуясь логикой его размышлений, какую логику Вы имели в виду? Какую логику в каждом конкретном случае нам принимать за ленинскую? Это первое обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание.

А вот второе. Один из теоретиков германской социал-демократии в разговоре со мной однажды сказал, что Ленин – гениальный ошибочный стратег. Я же, изучая ленинские работы в начале перестроечных времен, пришел к другому выводу: он, конечно, стратег, но не гениальный. Вот только один из тех примеров, на которых я основываю свой вывод. Случай, кстати, всем известный. В январе 1917 г. Ленин, выступая в Цюрихе перед молодыми социалистами, сказал: вы, молодежь, застанете время коренных революционных преобразований, а нам, старикам, видимо, до этого не

дожить<sup>1</sup>. И вдруг буквально через месяц он срочно собирается в дорогу: в России революция – демократическая, февральская. В Петрограде, как известно, Ильич провозгласил курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Меня поэтому потрясло Ваше заявление, что Ленин никогда не был социалистом.

Еще один известный факт: когда Ленин скрывался от преследований Временного правительства в Финляндии, он писал «Государство и революцию» – своего рода план действий на случай прихода к власти. Эту работу я в свое время прочитал раз, наверное, пять. И пришел к выводу, что это всего-навсего примитивная имитация работы Маркса «Критика Готской программы». Ну, можно сказать, ошибся человек – Бог с ним, написал и написал. Дело, однако, в том, что установки работы (в частности, о переходе к прямому товарообмену) были реализованы в жизни. И только когда Россия оказалась из-за этого буквально на грани пропасти, Ленин меняет курс – вводится новая экономическая политика. Как это назвать – гениальным прозрением или попыткой выйти из тупика, – большой вопрос. Все это какие-то метания, стихийные прозрения – может, и гениальные. Но где здесь предвидение, учение, логика?

Еще одно замечание. М.С. Горбачев любил в свое время повторять ленинское высказывание: возникла потребность в изменении коренной точки зрения на социализм<sup>2</sup>. С Горбачевым, конечно, своя история, но вот какую перемену имел в виду Ленин? В его последних статьях (написанных с 22 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г.) много чего есть – в том числе предложение ввести в руководящие органы коммунистической партии представителей трудящихся и т.д. Но это не гениальная стратегия, а какая-то беспомощная попытка оживить его модель социализма. Точнее, добавить социализм в то, что получилось.

Теперь о том, был ли сталинизм логическим продолжением ленинской политики. Я принадлежу к тому поколению «шестидесятников», которое после XX съезда первым столкнулось с этой проблемой. За ответом мы обращались к поздним ленинским публикациям, тюремным высказываниям Розы Люксембург и тетрадам Грамши, к раннему Марксу, снова к современникам (к тому же Джиласу). Выводы делались разные. Я полагаю, что Ленин сыграл решающую роль в формировании тоталитарной модели партии (с харизматическим лидером/вождем) и, соответственно, модели тоталитарного социализма (с предельно жестким подавлением инакомыслящих). По этим тоталитарным рельсам ленинский паровоз «полетел» вперед, сметая все на своем пути. Сталин лишь сменил у руля Ленина; он – новый вождь, соответствовавший новой обстановке.

И в заключение – о сегодняшнем дне. Не знаю, как в Венгрии, но в России сложилась очень странная ситуация. С одной стороны, нам предлагают вернуться в XIX век, с самодержавием, православием, народностью (один известный и влиятельный кинорежиссер, например, проповедует эту мысль, где только можно). С другой стороны, ориентируют на ленинскую, т.е. советскую социалистическую (так она во всяком случае трактуется), стратегию. Моя личная позиция – ни та ни другая стратегии Россию в нормальное цивилизованное русло не введут. У меня всегда возникал вопрос: почему коллеги, к которым я лично хорошо отношусь, заикнулись на неработающей, тупиковой теории? Ответа на него я не нашел. Но убежден, что попытки актуализации ленинского наследия не обогатят теоретическую мысль.

Ленин, на мой взгляд, – ошибочный стратег. Инициированные им действия, его логика, стратегия привели в нашей стране к тому, что некоторые исследователи называют антропологической катастрофой. Ленин – один из виновников многих бед, случившихся с Россией в XX в.




**Т. Краус:** Я хотел бы реагировать на выступление г-на Орлова. Я ничего не сказал о гениальности Ленина, не говорил, что Горбачев что-то понял в теории социализма, – он ни в чем не разбирался. Я не предлагал следовать сегодня ленинской политической стратегии. Напротив,

<sup>1</sup> «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении в Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» (доклад о революции 1905 г. швейцарским социалистам; датирован ранее 9 (22) января 1917 г.). (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 30. – С. 306–328.)


<sup>2</sup> «Ленин проявил мужество, когда он заявил, что “мы пошли не тем путем”, допустили главную ошибку, и теперь надо коренным образом пересмотреть точку зрения на социализм» (вступительная речь М.С. Горбачева на Учредительном съезде Российской объединенной социал-демократической партии 11 марта 2000 г.). (См.: Материалы Учредительного съезда Российской объединенной социал-демократической партии. – М.: ООО «Фантера», 2000. – С. 12.)

подчеркнул: Ленин родился один раз, в определенной исторической ситуации, а сегодня нужно что-то другое. И я постарался показать некоторые элементы его наследия, которые могут быть актуальны. Последнее: не думаю, что ответственность за все катастрофы, которые произошли в этой стране за последние десятилетия, можно возложить на Ленина. Это же смешно. Сейчас совершенно другая эпоха. Надо говорить о новом капитализме, а не о Ленине, умершем в 1924 г.

 **А.И. Калганов** (МГУ): Я не только полагаю, как коллега Орлов, что Ленина можно и нужно критиковать, но и сам являюсь критиком очень многих аспектов ленинской теории. Но, в отличие от коллеги Орлова, считаю: для того чтобы критиковать стратегию Ленина, ее надо знать. Назвав Ленина гениальным ошибочным стратегом, г-н Орлов предложил неточные аргументы. Я с сожалением должен констатировать, что все они от начала до конца фальшивы, не соответствуют действительности.

Прежде всего о революциях. В начале 1917 г. Ленин говорил, что старшее поколение не доживет до *решающих* событий мировой революции. Причем отмечал (в том же, кстати, выступлении), что ситуация в Европе чревата революцией. Ленин ощущал близость мировой революции, хотя и не был уверен, что доживет до ее победы (или хотя бы до ее решающей фазы). Утверждать, что Ленин не ждал (февральской) революции, совершенно ошибочно, нелепо. Более того, накануне Февраля он даже спрогнозировал состав будущего послереволюционного правительства. Как после этого можно говорить, что революция была для Ленина полной неожиданностью? Второе, да... извините, стал излишне эмоционален, но странно сталкиваться с такого рода непониманием.

! **Ю.С. Пивоваров:** Многие не понимают, не один Борис Сергеевич <Орлов>. Я, например, тоже  
• никогда не понимал.

 **А.И. Калганов:** Теперь о революционной стратегии. От человека, изучавшего историю, очень странно слышать, что Ленин ориентировал на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ни к чему подобному ни на Финляндском вокзале, ни в «Апрельских тезисах» Ленин не призывал<sup>1</sup>. Более того, во время дискуссии по поводу «Апрельских тезисов» он уточнил свою позицию, сказав, что не только не призывает к перерождению революции в социалистическую, но и прямо предостерегает против этого. Ваша информация об «Апрельских тезисах» Ленина заимствована из сталинского «Краткого курса ВКП(б)», что опять-таки странно. Нужно базироваться на первоисточнике.

И наконец, о стратегии послереволюционной. Я разделяю позицию Т. Крауса: ленинская стратегия выросла из определенного времени. Призывы вернуться к ней ошибочны, бессмысленны и контрпродуктивны. Более того, к ленинскому «курсу» 1917 г. следует отнестись критически, потому что он содержал определенные ошибки. Я о них писал, но в данном случае мне приходится Ленина защищать. Речь идет о его экономической политике периода Гражданской войны. Содержала ли она ошибки? Да, безусловно. Но в целом экономическую политику военного коммунизма я не могу назвать ошибочной. Причина одна: переход на свободную торговлю хлебом означал тогда голод для всей Центральной России. Да, большевики запоздали с переходом к продовольственному налогу в начале 1921 г. Следовало вводить его сразу, как только они выбили своих противников с большей части территории страны. Но не надо при этом говорить: большевики могли и не прибегать к силовому давлению, чтобы изъять у крестьян хлебные излишки.

! **И.И. Глебова:** Мне кажется целесообразным обсудить еще по крайней мере два тезиса Т. Крауса.  
• Первое: он сказал, что мы, русские, не способны быть нейтральными. И особенно отчетливо это проявляется в отношении к Ленину. Так ли это и почему это так? Второе: утверждение Тамаша, что

<sup>1</sup> Речь идет о знаменитых «Апрельских тезисах», опубликованных в статье «О задачах пролетариата в данной революции» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 31. – С. 113–118). В «Апрельских тезисах» Ленин указывал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Ленин считал единственно возможной формой революционного правительства Совет рабочих депутатов, требовал «государства-коммуны и... свержения капитала». Он подчеркивал: «...не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов».

Ленин предложил альтернативу капитализму. Какова она и может ли в этом смысле быть сейчас полезным ленинское наследие? Мы как-то застряли, зацепившись за прошлое – причем в конкретно-историческом, а не в теоретическом плане.



**В.В. Лапкин** (ИМЭМО РАН): Я позволю себе ответить предыдущему оратору – по одному, вроде бы частному пункту и очень коротко. Невозможно говорить о деятельности Ленина, особенно начиная с февраля 1917 г. (был ли он социалистом, последователем Маркса и т.д.), уклоняясь от принципиального вопроса: а чем он был движим? Ведь понятно, что главным для этого ключевого политика России революционной эпохи был вопрос о власти, ее завоевании и удержании, причем любой ценой. Игнорировать этот аспект в наших рассуждениях (в том числе, о политике военного коммунизма) – значит уклоняться от сути дела. Необходимо учитывать, что небольшая группа людей должна была контролировать огромную страну. Для этого не жалела ничего и никого. Кстати, и тот самый пролетариат, именем которого делалась революция (его численность в крупных городах, как известно, сократилась за те годы многократно). Игнорируя это, мы просто потеряем ориентиры, необходимый для обсуждения нашей темы.

Теперь перейду к соображениям по основному докладу. Вообще-то, мы в России должны более спокойно относиться к таким темам. К сожалению, мы сами не занимаемся глубоким анализом своей недавней истории, не даем ответов на поставленные ею вопросы. Поэтому вынуждены принимать многие предрассудки и суждения, которые сформировались в советский период, появились не в России и т.д. Это расплата за невнимание к собственной истории. Я согласен с докладчиком, что современная Ленину форма рабочего движения себя уже изжила, многое изменилось, что-то ушло в прошлое. Осталась, однако, исковерканная Лениным и его сторонниками страна, и она по-прежнему идет в проложенной большевизмом колее. И поэтому, конечно, тема Ленина и ленинизма актуальна у нас не только в научном отношении.

Я подчеркнул бы, что основным результатом ленинского эксперимента стало уничтожение в стране отношений частной собственности. Мы построили уникальное общество, где нет частной собственности, а значит, частного права и многого другого. При этом развивалась очень эффективная индустриальная экономика, создавались гигантские промышленные предприятия, страна вышла на позиции антагониста мирового лидера. Однако не сформировалась социальная основа для постиндустриальной экономики, осуществления «демократического перехода». И восстановить ее крайне сложно.

Я солидарен с докладчиком и в другом. Ленин и большевики сыграли великую первопрободческую роль; впервые в мировой истории решали многие актуальные проблемы. По их пути еще пытаются пойти другие. При этом, однако, надо помнить: главное, что Россия привносит в мир, – это урок, как не надо решать проблемы. В этом смысле следует говорить о терроре. Большевики, как и прочие революционеры в России конца XIX в., следовали западноевропейской традиции, учились террору у Европы. Вклад Владимира Ильича в это дело – в том, что он вывел террор на уровень государственной политики. Более того, совместил террор государственный с карт-бланшем на нелегитимный террор. Пожалуй, на этом я закончу.



**А.В. Бузгалин** (журнал «Альтернатива»): В данном случае я еще представляю журнал «Альтернатива», где в трех последних номерах публиковались статьи на ленинскую тему<sup>1</sup>. Теперь о том, что касается доклада и обсуждения. Начну с методологии. В период перестройки, который мы здесь упоминали, Ленина особенно сильно ругали за то, что он считал общественную науку социально и идеологически окрашенной. Наше обсуждение доказывает, что Ленин был абсолютно неправ. Никакой идеологической окраски в социальной науке нет. Все нейтральны, объективны и корректны. (*Смех в зале.*) Так, по крайней мере одну правомерность у Ленина мы эмпирически доказали.


Дальше ограничусь репликами. У нас пошли в ход разные аргументы: в их числе тот, что целью Ленина был захват и удержание власти. Я не утверждаю, что это неправильно, – просто называю. А разве все иные политические силы не боролись тогда за власть? Просто Ленин вышел из той борьбы победителем, нейтрализовав всех конкурентов. Осудим его за это? Далее затем, в «Государстве и революции» не представлена концепция планомерного развития экономики после победы

<sup>1</sup> См., например: Бузгалин А. Ленин как теоретик // Альтернативы. – М., 2010. – № 1. «Альтернативы» – ежеквартальный теоретический и общ.-полит. журнал, выходит с 1991 г. А.В. Бузгалин – его главный редактор.


социалистической революции. Нет, в работе характеризуется первая фаза коммунистического общества: и в ее рамках, как указывал Ленин, развитие элементов рынка вполне возможно. В отличие от коммунизма как нерыночной системы. Что касается прозвучавшей оценки участия рабочих и т.п. в управлении как популизма – этот тезис доказан всей мировой историей социал-демократии. Конечно, в управлении позволительно участвовать только топ-менеджерам и желателно из номенклатурной среды, но не работникам инженерного корпуса, квалифицированным рабочим и т.д. Можно сделать президентом артиста или культуриста, как в Соединенных Штатах, – губернатором, это тоже нормально.

!


**Ю.С. Пивоваров:** И у нас спортсмен был.

 **А.В. Бузгалин:** Совершенно верно. А привлекать к управлению квалифицированных работников – это грубый популизм, допущенный нецивилизованными большевиками. Примем эту точку зрения. Или, напротив, будем считать, что Ленин был прав; привлечение рабочих к управлению – это нормальная демократия. Давайте займем хоть какую-нибудь позицию... Но не занимаем – не можем почему-то. Еще одна реплика – о частной собственности как естественной основе общества. Так ведь, господин профессор (*к В.В. Лапкину*) – естественной?

 **В.В. Лапкин:** Да.

 **А.В. Бузгалин:** То есть данной природой?

 **Лапкин В.В.:** Нет. Данной обществом.

 **А.В. Бузгалин:** Если она дана обществом – значит, является социальной и в этом смысле неестественной. Это просто тезис: то, что дано обществом, – то социально. А социальное развитие, как известно, до того, как восторжествовали институты собственности, тысячи лет проходило в примитивных формах. И появлялись произведения высокой культуры без всякой частной собственности. Поэтому считать частную собственность изначально и навсегда данным, абсолютным институтом некорректно. Она однажды возникла и, наверное, когда-то может уйти в прошлое. Строим же мы, здесь присутствующие, свою научную и культурную деятельность на основе всеобщей коммунистической собственности. Отдаем свою продукцию бесплатно, создавая тем самым возможность присваивать ее бесконечно. Мы не патентуем свою интеллектуальную собственность и не получаем за нее материальную ренту. И в современной социал-демократической модели, где имеется и рыночное, и частное, остается практика присвоения и распоряжения чужим продуктом (в разных, конечно, формах). Речь в данном случае идет не о правоте Ленина, а о корректности полемики.

Еще одна важная оговорка. У большинства наших обществоведов почему-то вызывает ненависть диалектический метод. Он ассоциируется с ГУЛАГом, террором. А между тем существует диалектическое наследие как часть общечеловеческого. И вся деятельность Ленина укладывается в его специфическую логику, которая не поддается оценке с позиций стандартных догматов.


Теперь о контексте. Напомню, что Первая мировая война, к которой Ленин и большевики не имеют никакого отношения, унесла 10 млн. жизней. А ведь социал-демократы всех стран проголосовали за участие своих правительств в этой войне. То есть подтвердили их право на легитимное насилие, которое стало одной из причин революций в Германии, Венгрии, России, антиколониальных войн и т.п. Ленинские работы писались в контексте Первой мировой войны. Надо учитывать, что люди сильно зависят от контекста, очень меняются в определенных обстоятельствах. Не только Ленин, но, скажем, Иван Бунин в своих «Окаянных днях» демонстрирует это.

Отмечу еще вот что. Посмотрим на наших коллег из социал-демократического и либерального лагеря. Я не встречал ни одного либерала, защитника прав человека, демократа, который выступал бы за то, чтобы предать анафеме, публично осудить тех государственных деятелей США, которые инициировали ядерную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Никого, кто призвал бы американский народ и правительство покаяться. А ведь большего государственного террора трудно себе представить. И таких примеров много. Я не говорю, что Сталин и Ленин были правы, выбирая террор, а предлагаю анализировать причины такого выбора.





!

**Реплика из зала:** Те вели себя так хотя бы не в своей стране.

 **А.В. Бузгалин:** Вот очень хорошая фраза – всегда жду, когда ее скажут. В своей стране нельзя, а в чужой, значит, можно. Давайте на этом я закончу свои полемические высказывания. Я часто так выступаю, с одними и теми же тезисами, вопросами – и в этой аудитории мне было интересно посмотреть еще раз на реакцию. Она не меняется – реакция всегда одна и та же. Спасибо.

**И.И. Глебова:** Неприятно ощущать себя в роли подопытных. И непонятно, почему Вы нам эту роль отвели. Это некорректная, а главное, бессодержательная полемика. Что мы таким образом обсудили? Ваши ощущения от спровоцированных (иногда оскорбительным образом) эмоциональных реакций аудитории?

 **А.В. Бузгалин:** Тогда позвольте несколько слов по существу. Ленин – это такая фигура, такой политик, который всегда вызывает конфронтационный характер полемики. В сколь угодно интеллигентной аудитории. Я просил бы вас непредвзятым взглядом перечитать «Государство и революция» и сказать, какие из признаков империализма, перечисленные в этой работе, неактуальны сегодня. Есть интересная работа «Ленин: Перезагрузка»<sup>1</sup>, где целый ряд западных авторов со статистикой в руках показывают, почему Ленин до сих пор, к сожалению, актуален. Это относится и к его анализу развития низовой (базовой) демократии, вопросов внутренней политики, проблематики «центр-периферия-полупериферия», о чем говорил Т. Краус. Актуален его анализ эволюции капитализма под влиянием смены исторического контекста. Это не только «Что делать?»; Ленин много писал о разных типах политической организации, о том, как и почему либеральные политики могут двигаться к авторитарной схеме организации общества и т.д. Вот эти правота и актуальность – причина не только жесткой полемики, но и прямого раскола в интеллектуальной среде, в нашем обществе по вопросу о Ленине.

**Ю.С. Пивоваров:** Позвольте мне тоже выступить. Я начну как раз там, где коллега Бузгалин закончил. Он сказал, что именно по Ленину мы так расходимся; если бы не он, – нашли бы общий язык. И еще одно замечание: он уже 20 лет, говоря похожие вещи в разных аудиториях, получает одну и ту же реакцию. Сначала о реакции. Я внимательно слушал профессора Бузгалина, которого  уважаю как человека со своим вполне определенным мнением. И могу сказать, как и Вы: да, одна и та же реакция. А почему она должна быть иной? Опять мне говорят то, что я слышал и 50 лет назад (об американской агрессии, зле частной собственности и т.п.). У вас – одни реакции и у нас – одни реакции. Как Вы понимаете, я не разделяю Вашей точки зрения.

Что касается Ленина, то понятно, почему он так раскалывает и теперь. Безусловно, центральная фигура, человек номер один русской истории XX в. (и даже не только русской, но и мировой). Но для одних это, возможно, научный объект, а для меня – трагедия. Т. Краус в своем, кстати, жестком и четком выступлении говорит: Ленина нельзя анализировать, скажем, с позиций либеральных, а надо попытаться понять изнутри. А почему я должен понимать его изнутри? Я стою на либеральных позициях, я – либеральный демократ. И не могу изнутри реконструировать это явление, так как отношусь к нему с других позиций. Это первое.

Второе. Докладчик предложил смотреть на Ленина как на целое. Это тоже очень четкий методологический посыл: возьмите Ленина от первых, начала 1890-х, до последних работ и проанализируйте все. Эта позиция предполагает, что Ленина надо изучать как выдающегося, сложного, великого ученого. Я, правда, не совсем понял, в чем величие, – Тамаш сказал, что в теоретическом отношении от него, вроде бы, ничего и не осталось. Но я не поклонник Ленина и не берусь судить. Я убежден в том, что вопрос о Ленине – это не вопрос о тонкостях его экономической политики. Поясню с помощью грубого, может быть, сравнения. Гитлер тоже не был идиотом, как его показывали в карикатурных фильмах. Это очень умелый политик, который ловко играл на трудностях немецкой истории.

Конечно, Ленин был гений, о чем речь? У него масса достижений; я вообще считаю, что его «учение» о партии нового типа – то же самое для русской политики, что «Государь» Макиавелли для

<sup>1</sup> Lenin reloaded: Toward a politics of truth / Sebastian Budgen, Eustache Howélakis, Slavoj Zizek and others. – Durham; L.: Duke Univ. press., 2007. – 337 p.

западной. Ну и что? Тамаш говорил о другой фазе капитализма, иных рабочих. Мне это неинтересно; я не марксист и не смотрю на историю как на арену столкновений капитализма – социализма, центра – периферии. Для меня это совершенно чуждые вещи, но я понимаю, что люди могут так думать.

Разве это главное в Ленине? Ленин из нашей страны никуда не ушел. Он остался в памятниках, названиях улиц, в традициях, даже в стиле отношения людей друг к другу. И что такое Ленин для России, я могу сказать – террор, бесконечный, беспощадный. Ленин – это Сталин сегодня. Мне все равно, как размышляют марксисты; я – жертва этого режима, знаете, как евреи были жертвами Холокоста. Им все равно, какие были противоречия в нацистской верхушке в 1942 г., когда решался еврейский вопрос (а противоречия там были большие, и Гитлер был даже против «окончательного» решения). Еврею все равно, почему, по каким теоретико-идеологическим основаниям его загнали в газовую камеру.

Этот политик, его партия и их последователи загнали наш народ в концлагерь. До 1917 г. Российская империя не была идеальной, но после стала просто пыточной камерой. Вот мы рассуждали о легитимности. Но ведь известно: большевистский режим начинается с совершенно постыдного разгона Учредительного собрания. В чем тогда его легитимность, его народные основания, если говорить не о наших сегодняшних идеологических и моральных предпочтениях, а о выборе *того* народа?

Мы говорим, что Ленин – гениальный теоретик. Возможно, но не в этом дело – практика была отвратительна! Это был гений; в его наследии и сейчас, наверное, каждый что-то может найти. И что мне? Я же живу не с наследием, а в стране. И этот человек – как интеллектуал, как интеллигент – несет личную, персональную ответственность за то, что с этой страной произошло. А произошло здесь разрушение всех общественных основ. Что такое частная собственность? – Одна из фундаментальных ценностей человеческой цивилизации (как семья, язык, государство), выработанных человечеством в ходе эволюции. Против этих основ и обратился большевизм.

С моей точки зрения, 70 лет советского режима были антропологической катастрофой для народов, населявших мою Родину. Установившийся режим был абсолютно диктаторским, тоталитарным, не сравнимым ни с каким другим в XX в. Даже режим Третьего рейха, которым я тоже занимался, был мягче ко всем народам, кроме одного – еврейского. Наш «мочил», говоря языком премьера Путина, абсолютно все народы. И в этом смысле, мне кажется, проблема Ленина – это проблема морального выбора, а не проблема размышлений: что Ильич думал, когда писал ту или иную работу, или как разочаровался в каких-то взглядах, позициях; почему перешел от продразверстки к продналогу. Мне все равно, что он думал, – важно, что делал. И только так, по реальным делам и их последствиям (в том числе отдаленным) можно судить политического деятеля.

Что же касается А. Шварценеггера (профессор Бузгалин его ведь имел в виду?), то да, он – культурист, но Калифорния процветает. Неважно, спортсмен ли, артист, важна реальная практика. Я думаю, что по поводу Ленина, советского «социализма» действительно никогда не договорятся люди. Не социал-демократы, либералы и т.д., а люди, для которых определяющим является либо моральный подход к жизни и политике, либо аморальный.

! **А.В. Бузгалин:** Я хочу, чтобы меня правильно поняли: у нас, вроде бы, совершенно другой (не такой, как в начале XX в.) капитализм, а Российский союз промышленников и предпринимателей предлагает 60-часовую рабочую неделю<sup>1</sup>. Это морально или аморально?


! **Т. Краус:** Одно замечание. Профессор Бузгалин правильно сказал, что русская революция – продукт Первой мировой войны, а она не была инициирована большевиками. Но предпосылки для большевизма созрели во время той войны. Это необходимо учитывать при анализе ленинского наследия, политики большевиков.

! **Д. Свак:** У меня короткий вопрос. Юрий Сергеевич <Пивоваров> очень эмоционально говорил о Ленине. А Вы готовы в том же стиле – о Петре Первом?


! **Ю.С. Пивоваров:** Сегодня не готов – это ведь не тема нашего обсуждения. А потом эмоционально вообще не готов. Я эгоист. Петр Первый задел меня лично меньше, чем В.И. Но я и его не люблю по тем же причинам. Он возвел насилие над человеком в принцип государственного управления.


---

<sup>1</sup> Предложение появилось на сайте РСНП в конце октября 2010 г.

 **В.Т. Логинов** (Университет Академии образования): Я лично глубоко убежден в бесполезности таких дискуссий. Во-первых, мы никогда друг друга не читаем; во-вторых, никогда друг друга просто не слышим. В данном случае это вполне объяснимо: вопрос о Ленине действительно еще и вопрос о нравственном выборе, о нравственной позиции. Всем известно: интеллигент никогда не совершит подлого поступка, предварительно не обосновав его морально. И если уж выбрал, что надо кого-то зарезать, убить, то будет стоять до конца. Поэтому, я считаю, спорить нам бессмысленно. Единственное: ребята, ну давайте читать хотя бы друг друга! Ведь прекрасные книги о послереволюционном переходном периоде вышли – очевидно, что никто их не читал. Сколько про Февральскую революцию написано – бесполезно.

В содержательном отношении вот на что хочу обратить внимание. Может быть, самое важное, что сегодня было сказано, – о связи между либерализмом и фашизмом. Не обижайтесь, – хотя бы А.А. Галкина почитайте<sup>1</sup>: либерализм – это то, что приведет к фашизму. Тамаш <Краус> абсолютно прав: со Сталиным они все помирятся, сделают из него государственника, зафиксируют это в учебниках. Ленина не примут никогда. Это ведь другое понимание демократии, идущее с древних времен. Об этом «Государство и революция». Что касается советской истории и ленинской вины – проблема не в самом Ленине, а в нашей непримиримости. Советскую историю невозможно рассказывать как линейную, как нельзя валить в кучу разные истории (в 1917 г. случилась революция, поэтому в 1985 г. нет колбасы). Это порочная логика.

 **Ю.С. Пивоваров**: Очень странно здесь, в стенах ИНИОН, слышать: проблема в том, что мы – в большинстве его сотрудники, а также служащие в РАН, вузах – не читаем. Это ведь совсем небезобидно. Сказать о людях, профессия которых – читать, что они не читают, – значит обвинить их в непрофессионализме. Видимо, все-таки не в этом объяснение нашего взаимонепонимания. У людей просто могут быть принципиально разные точки зрения. Теперь о связи между либерализмом и фашизмом. Вы не декларируйте – докажите. Зачем «шить дело» Галкину? Это явно не его тезис. И потом, оскорбительно для многих миллионов людей либеральных убеждений говорить, что они порождают фашизм.

 **В.П. Булдаков** (ИРИ РАН): Поначалу мне хотелось отмолчаться: дискуссии о Ленине идут уже по десятому, если не сотому, кругу. При этом всякий раз доминируют эмоции, даже страсти. Причем страсти кипят вокруг идолов, некогда воздвигнутых нами самими, что заслоняет существо дела. У нас так всегда. И Ленин, кстати сказать, был человеком того же пошиба. Он до бесконечности мог полемизировать по поводу искусственных понятий, которые сегодня вообще не воспринимаются. Не воспринимаются потому, что они были лишь эмоциональным продуктом тогдашнего (преходящего) ученого воображения.

Тамаш вроде бы назвал меня (или кого-то еще) либеральным автором. Но в научном споре я не либерал, не марксист и тем более не какой-нибудь постмодернист, а просто исследователь, плохой или хороший – это другое дело. Все наши «измы» давно пора бы оставить за бортом. У нас они постоянно превращаются из конвенциональных понятий в настоящие символы веры. Сегодня это выглядит очень по-детски. «Нормально» это смотрелось в Средние века. Или в эпохи, отмеченные откатом (очередным) в далекое прошлое. Так бывает, причем постоянно.

«Время Ленина» – это время настолько мощного социально-экономического рывка европейских империй вперед, что это не могло не вызвать самых невероятных иллюзий – ожили, с одной стороны, самые низменные человеческие инстинкты, с другой – воскресли великие утопии. Мир в полном смысле слова сошел с ума. И в условиях мировой войны Ленин представлял отнюдь не худший вариант умопомешательства.

Феномен Ленина – продукт мировой войны. Не будь войны, он бы представлял небольшую секту в тогдашнем социалистическом движении. Зачем же копыя ломать? Или спорим по инерции, руководствуясь известной интеллигентской привычкой?

Конечно, сегодня идея мировой революции – а это главная страсть Ленина, как и Троцкого, – кажется авантюрой. Но, что бы ни говорили сегодня на этот счет, придется признать, что имя Ленина и в прошлом, и в настоящем неотделимо от образа русской революции. Понять Ленина – значит

<sup>1</sup> Речь идет о работе: Галкин А.А. Германский фашизм. – М., 1989.

приблизиться к пониманию революции. Что касается последней, то (не мной было сказано) кто не видел революции, тот и русского народа не увидел.

В нашей дискуссии постоянно звучит: в этом Ленин прав, а в этом не прав. А кто мы такие, чтобы выставлять школьные оценки человеку иного времени? Нравится нам или нет, но Ленин – это продукт целой эпохи, страшной и грандиозной. А эпоху надо понять и соответственно соизмерить некоторые масштабы. Вот когда мы действительно поймем эпоху Ленина (а на это может уйти еще 100 лет), тогда и имеет смысл судить Ленина... Кстати, Владлен Герентьевич <Логинов> совершенно прав: мы не хотим знать историю – слишком тяжелое занятие. Спорить о символах прошлого гораздо проще, тем более что химеры воображения в наш «информационный» век плодятся в геометрической прогрессии. А надо бы задуматься: что сделал (или попытался сделать) Ленин с тем реальным историческим материалом, который ему достался? И наконец, стоит прикинуть: чем история ответила Ленину?

Характерно, что сам Ленин вышел совсем не из революционной среды. Один мой знакомый, историк со всеми степенями, относительно недавно побывав в Ульяновске, недоумевал: «Как в этой обывательской среде мог вырасти такой человек?» Не помню, что я ответил, но следовало бы вспомнить пословицу: «В тихом омуте черти водятся». А если серьезно, то мы действительно не понимаем и не хотим понимать ни прошлой эпохи, ни специфики соединения ее с той или иной микросредой. Отсюда наши бессильные эмоции: «нравится, не нравится».

История (как наука, если только она уцелеет) – это своего рода идентификационный диалог с прошлым. Строго говоря, здесь «вкусовщина» неуместна (хотя она всегда присутствует). Если быть откровенным до конца, то «понять себя» (современность) легче всего, глядя в «злодеев» ушедших времен. И это очень тяжелое занятие.

Вернусь к личности Ленина. У меня к нему всегда было неоднозначное отношение. Таким оно и остается. Было время, когда я Ленина ненавидел, может быть, даже покруче, чем Юрий Сергеевич <Пивоваров>. Постепенно я приучил себя глядеть в эту личность. Но есть ли смысл копаться в личности разрушителя (а не примитивного террориста) в отрыве от эпохи, реальные (а не выдуманные им самим) противоречия которой он использовал? Вопрос вопросов: почему Ленин был столь популярен? Почему он стал такой ненавистной фигурой? Почему он популярен даже сегодня у людей, которые ничего не хотят знать о реальной истории его возвышения? Вот об этом и надо думать, а не просто выяснять с ним «личные отношения».

Считается, что основной вопрос русской истории: «Кто виноват?» Я давно отвечаю просто: «Сам виноват, потому что не пытаешься понять свою историю». Потому и возникают такие нелепости с Лениным: то он востребован как икона, то как пугало.

Если хочешь понять Ленина, надо правильно оценить возможности его личности на фоне информации, которой он располагал. И тогда окажется, что нелепо делать из Ленина пошлого террориста – он жил интеллектуальными и духовными страстями своего времени. Один из его политических противников откликнулся на его смерть словами: «Он был большой человек». Имелись в виду и его большие ошибки. Они также делают честь человеческому уму, ибо вся история – цепь заблуждений и трагедий. «...То, что называется истиной, всегда в большей или меньшей степени включает в себя ошибку – ошибку, на которую каждая эпоха имеет право и без которой она не может обойтись» (Х. Ортега-и-Гассет). Странно только, что мы к этому никак не можем привыкнуть.

Сегодня не случайно сравнивали мысли Ленина с идеями Э. Валлерстайна. Действительно, Ленин пытался разрушить империализм как систему, а вовсе не собирался строить социализм «в одной отдельно взятой стране». Мне представляется, что ленинское понимание «развития капитализма в России» – иллюзия, но его «Статистика и социология» – это серия настоящих прозрений.


Но нужен ли сегодня ленинизм? Думаю, что нет. Так называемый ленинизм – это набор догм, воздвигнутых на «фундаменте» иллюзий ушедшей эпохи. Иное дело «живой» Ленин, которого надо уметь разглядеть.



**Ю.С. Пивоваров:** А ведь я в своей реплике начал с того, что мне лично Ленин абсолютно не интересен. Мне интересны Струве или поэт Блок – не Ленин. И я не размышляю о нем, тем более с позиций: да кто я такой? Но для меня, как историка, важно как раз, кто же он? Это серый, совершенно провинциальный, малокультурный и малообразованный человек – на фоне той эпохи,

выдвинутых ею людей (по-настоящему гениальных, образованных, талантливых). Почему мы крутимся только вокруг Ленина, поддерживаем его репутацию гения?

Да, Владимир Прохорович <Булдаков>, я ведь даже не о Ленине сейчас говорю. Вот Тамаш <Краус> – о Ленине, а я – о ленинизме. Ленинизм для России – это синоним или даже имя того ужаса, что творился 70 лет. Я полагаю, что Ленин страшнее Гитлера: тот разоблачен, а Ленин до сих пор является предметом научных дискуссий. На вопрос – ошибся он или нет? – я отвечаю: нет, он все сделал правильно. Так вот я против этого «правильно».

 **И.И. Глебова:** Благодарю докладчика за четкое изложение своей позиции, а вас, коллеги, – за участие в обсуждении. Оно получилось острым, даже нервным. До срыва мы, правда, не дошли, но продемонстрировали: наше прошлое – зона конфликта, на него есть полярные, противоположные точки зрения. Если учесть, что это и пространство современного самоопределения, становится ясно: Ленин – псевдоним гражданской войны, которая в нашем обществе не закончена. Поэтому предложение Т. Крауса примириться неосуществимо. В дореволюционной России трагический характер имел раскол на две субкультуры (фактически две страны) – европеизированную (городскую, интеллигентско-мещанскую, чиновную, ученую) и почвенную (преимущественно крестьянскую, традиционалистскую). Он был одной из причин кошмара 1917–1921 гг. В России нынешней существует раскол культурный, мировоззренческий. В его основе – не разные взгляды на современный капитализм, а различные ценностные предпочтения, убеждения. Конечно, этот раскол – один из многих, но едва ли не самый показательный. «Ленинцы», «попутчики», «антিলенинцы» – это социальные ориентиры сегодняшнего дня. Здесь начало современных общественных противостояний.

Теперь о докладе. Я напомним, как Тамаш <Краус> формулировал свою задачу: рассмотреть ленинское наследие с точки зрения вопроса – возможна ли альтернатива капитализму? Более того, в ходе обсуждения прозвучал тезис: Ленин (как историческое явление, т.е. не только как теоретик) есть альтернатива капиталистической системе (и в ее прежнем – начала XX в., и в нынешнем видах). Причем, речь идет о хорошей альтернативе.

Тамаш, как мне представляется, выбрал практически беспроектную исследовательскую «площадку». В интеллектуальном наследии Ленина можно обнаружить и критику капитализма, и черты альтернативной ему социальной модели. Однако здесь возникает трудность: Ленин как теоретик – не уникальное явление, а лишь представитель большого «отряда» критиков/альтернативщиков. Уникальность героя Крауса – в практике; его до сих пор поднимают на щит или развенчивают потому, что он перевернул жизнь миллионов людей в огромной стране, его именем (и апеллируя к «леннаследию») 70 лет действовали «продолжатели дела». И если представлять Ленина фигурой супермасштаба (что делает наш докладчик), обращение к практике неизбежно. Тамаш этого и не избежал, вступив на – не скажу зыбкую, но – альтернативную «почву», где профессионализм, стремление быть объективным, избежать «презентизма» не гарантируют «единственной правильности» исследования. Потому что взгляд исследователя определяет позиция: есть хорошая альтернатива плохому капитализму, и это – Ленин.

Опыт «реконструкции», предпринятый Тамашем, оставил у меня несколько вопросов. Первый связан, если пользоваться термином Крауса, с нарративом террора. Докладчик как бы разводит Ленина и террор, оправдывая Владимира Ильича тем, что революционное насилие «выходит» из мировой войны. То есть фактически предлагает исходить из посылки: не Ленин был таким – жизнь такая. Если следовать этой логике, тогда правительственный террор начала XX в. прямо «выходит» из крайностей революционного движения и из первой революции. Меры МВД, военно-полевые суды – следствие 1905 г., а Белое движение и белое насилие – реакция на Октябрьский переворот. История выстраивается как простейшая цепь причинно-следственных связей; при этом любой исследователь может «развернуть» ее в «пользу» своего героя в соответствии с собственными предпочтениями.

Потом, Ленин – революционер, преобразователь российского социального строя (и в этом смысле его действительная альтернатива). Это известно. Преобразовывать невозможно, не имея конечной цели и инструмента. Цель все-таки – социализм, не будем лукавить; Владимир Ильич ведь использовал этот термин для называния антикапиталистического общества, которое он проектировал. А инструмент преобразования – государство, поэтому оно (во всяком случае, на первом, т.е. ленинском, этапе) – разрушитель, монополист насилия. И Ленин, как его глава, – персонификатор террора. Он этого не скрывал (см. его работы); зачем нам теперь его «прикрывать», отрицая этот

факт. Это не только неисторично – нелогично, умаляет заслуги. Ведь именно здесь Ленин победил: разрушил «в основном» старый строй, чтобы на его месте строить свой новый. А «окончательно» вопрос решали после него: Ленин нейтрализовал реальные и потенциальные силы сопротивления города (террором против интеллигенции, доминировавшей в политике, управлении, экономике, культуре), Сталин преобразовал/переломил – прежде всего насилием – деревню. В этом их преемственность – притом что Сталин, конечно, есть и отрицание Ленина. Такая диалектика. Если это затушевывать, тогда непонятно, чем вообще занимался Владимир Ильич, каков его исторический масштаб.

И наконец, уже при Ленине новая система обрела некоторые определяющие черты, качества альтернативности. Это действительно не капиталистическое общество: минимизированы частная собственность, «буржуазные» право и мораль, открыты шлюзы социальной мобильности (из самых «низов» – на самый «верх») – притом что социальных гарантий (даже минимальных) еще не создано. Но масштабные насыщения «почвенными» («простыми») людьми слоя социальных управляющих в России случались и до Ленина – вспомним петровскую революционную перестройку. Эволюционным образом «круг» социально влиятельных людей расширялся в пореформенный период – без смены социального строя. Что же до остального, то если это и альтернатива, то очень временная: человеческая природа такова, что человеку хочется и частной собственности, и личных прав. На определенном этапе эволюции общества (переход от задач исключительно выживания к задачам развития) появляются условия для реализации этих естественных человеческих потребностей. Можно перекрыть эти возможности – законсервировать примитивную экономику, изолировать от внешнего мира и проч. Но наша же практика показала, что долго запретительные механизмы не работают.

Еще одна черта альтернативного порядка, создававшегося Лениным, – бесклассовость. Действительно, классы убрали, но иерархия осталась. Ее основой стала партия Ленина (причем уже при Ленине). Партийные функционеры заняли место (и места – в том числе жительства) старой иерархии. Плюс такой альтернативы – ее «почвенность». Но это же делало ее (начиная с ленинского времени) менее эффективной, чем прежняя (из-за недостатка или отсутствия образования, опыта, общей культуры, «соотнесенности» с миром). Отсюда – тяготение советских «элит» к простейшим, преимущественно экстенсивно-насильственным методам социального управления. Разрастаясь и все больше работая только на себя, иерархия постепенно «пожирала», обесмысливала социальные гарантии – в конце концов принесла систему в жертву собственному эгоизму.

Для меня не очевидны преимущества альтернативы, основы которой заложил Ленин. И Тамаш не помог мне их обнаружить. В реальном социализме (и ленинском тоже) было столько порочного, что его «плюсы» не стоили принесенных ради него жертв.

Мне кажется, я понимаю внутреннюю мотивацию Крауса. Его «Ленин» – это реакция современного «левого» на мир, который для него сводится к «плохому капитализму». Это, вообще, естественная реакция человека, прожившего в венгерском социализме: он ведь был мягче и человечнее «социализма» в СССР. Казалось, ослабить давление идеологии, дать чуть больше свободы – и с таким порядком вполне можно согласиться. Почему нет? С этой идеей я солидарна: следует улучшать, а не громить наличную действительность. Но Ленин-то ввел в социальную практику как раз погромный алгоритм, задал нашей социальности, и без того склонной к крайностям, порочный принцип преобразования: «или – или». Капитализм плох – даешь хороший социализм; для победы все средства хороши (за хороший социализм все «спишется»), кто не с нами, тот против нас. А разве не так же «сработали» на рубеже 1980–1990-х практики «хорошего капитализма»? Они оказались ленинцами по культурно-ментальному складу. Вот главное, мне кажется.

У нас оказался востребован погромный потенциал ленинского наследия, а не его аналитическая, критическая, интеллектуальная часть. Возможно, потому, что этот потенциал является в «наследии» Владимира Ильича главным – притягивают победный магнетизм, беспощадная последовательность стратегии и тактики, действует пропагандистский образ самого правильного («человечного») человека. Особенно востребован этот потенциал сейчас – как более всего понятная постсоветскому человеку реакция на плохую действительность. Чем она хуже, тем «больше» Сталина–Ленина.

*Материалы семинара подготовлены к публикации  
И.И. Глебовой и Ю.Ю. Тыртовой*

**Ю.И. ИГРИЦКИЙ****ЛЕНИН КАК ВОСПОМИНАНИЕ <sup>1</sup>**

Как это ни парадоксально, но в сегодняшней России, когда в спектре политических сил и идеологических предпочтений явственно заметны леворадикальные и леводержавные оттенки, Ленин, наверное, чувствовал бы себя неуютно. Не он, вождь российских большевиков и творец Октябрьского переворота, а его «верный ученик» Иосиф Сталин все чаще красуется на щите и знамени левого дела. Не на него, а на Сталина равняются противники капитализма и критики нынешнего режима в России. Не его, а Сталина хотят видеть у власти поборники «сильной руки». И даже сторонники режима с большим историческим почтением относятся не к нему, а к Сталину. Грустно и унизительно для правоверных марксистов-ленинцев. Это ли не лучшее свидетельство того, что для Ленина и его идей остается все меньше места в политической жизни его родной страны? И, воскресни Ленин, обидней всего для него было бы то, что в народе помнят не его, а Сталина, а среди молодежи только узкий слой всяких-разных «кружковцев» интересуется его творческим наследием.

Но понятным образом и память, и интерес сохраняются профессиональными историками. И сегодня, и через десять лет, и через столетие будут изучать историю России конца XIX – начала XX в., а в исторических текстах (и книжных, и электронных) читатели увидят знаковые имена: Ленин, Николай II, Распутин, Столыпин, Керенский и т.д. И сейчас, и потом будут востребованы оценки этих фигур, их исторической роли и значения, да и личностей тоже.

Оценки эти будут, скорее всего, различаться – как разнятся они сейчас. В мировой общественной мысли они различались всегда. Если в СССР официально всегда был один Ленин – марксистско-ленинский, испартовский, КПССный, то за рубежом по большому счету было по крайней мере два Ленина – коммунистический и некоммунистический, а в конечном счете – гораздо больше. Коммунистический Ленин имел два подвида – леворадикальный и умеренный, еврокоммунистический. И некоммунистический Ленин тоже делился на два подвида – социал-демократический и буржуазный. Ну и, конечно, все изучающие Ленина за рубежом могли иметь (и имели) свои личные точки зрения на этого политического деятеля и его дела. Это довольно грубое деление ленинианы (в действительности оно более дробное), но и из него явствует, что там, где допускается свободное выражение политических взглядов, единой точки зрения на отца-основателя революционаризма XX в., вождя Октябрьской революции и создателя Советского государства быть не может.

Эмоционально-ценностное восприятие Ленина сглаживается со временем, но и сейчас в среде российской диаспоры за рубежом есть люди, воспринимающие (вслед за Буниным) этого человека как «бешеного и хитрого маньяка», а среди коммунистов – как «человечнейшего человека». Понятно, что он не был ни тем, ни другим – просто потому, что в этом случае он становится одномерным маркузианским человеком, которому не место в политике. Между тем именно в политике (с позиций современности можно сказать: в реальной политике, в *Realpolitik*) он стал одной из самых крупных, если не сказать крупнейшей, фигурой XX в. Тут все надо учесть: и разрыв с идеологией и стратегией II Интернационала (к какой социальной группе мог бы успешно апеллировать в России собственный, доморощенный Бернштейн или Каутский?); и допущение того, что социальный взрыв планетарного масштаба может произойти в крестьянской стране, истощенной мировой войной (а до мировой войны Ленин ничего подобного и не говорил); и ставку на социальную дезорганизацию и политический вакуум в России (а не на созревание парламентской, учредительной поддержки) как на благоприятствующие революции факторы; и готовность в ходе переговоров о Брестском мире с Германией отступить, отдать территорию в обмен на время, необходимое для консолидации власти

---

<sup>1</sup> Этот текст мы получили сразу после семинара в качестве реакции/отклика, поэтому печатаем вместе с его материалами.

(хотя обсуждение этого вопроса в партии чуть не вызвало ее раскола); и предложение концессионных сделок классовым врагам-капиталистам (и с ними можно и нужно договариваться к своей выгоде).

Это послужной список (далеко не полный) гибкого прагматичного политика, понимавшего, что на скамье оппозиционера можно просидеть до естественной кончины; революционер же должен не упустить ни одного шанса для взятия власти. Первая мировая война и внутрироссийский хаос дали ему наивыгоднейший шанс, которым он в полной мере воспользовался и без которого Красного Октября просто не было бы. Да, можно сказать еще проще: его не было бы без Ленина. Десяток троцких, сталиных, зиновьевых, каменевых не заменили бы одного Ильича. Мог бы состояться альянс правых и левых социалистов на Демократическом совещании, а позже – на Учредительном собрании, и страна пошла бы каким-то иным путем; тогда этого радикального, разрушительного (не кровавого, а именно разрушительного; в Феврале было больше жертв) события русской революции, именуемой Красным Октябрем, точно не было бы.

Гражданская кровь, «кровь былей» (Пастернак) начала обильно литься позже, когда Ленину и его соратникам было необходимо удержать власть. Гражданская война явилась ключевым оселком проверки нравственного потенциала победившей партии и ее отношения к собственному народу. Важно, однако, понять, что готовность в борьбе за власть прибегнуть к решительно любым, в том числе кровавым, средствам, выработавшаяся в толще большевистской партии в ходе Гражданской войны, Ленину была присуща изначально. С какого именно момента? После казни брата? Во время первой русской революции? В годы конспирации и эмиграции? Летом 1917 г., когда он скрывался от полицейских агентов Временного правительства? Мнения могут быть разными. Но уже в начале января 1918 г. в споре с Марией Спиридоновой о том, морально ли будет разогнать Учредительное собрание, Ленин сказал как отрубил: «Морали в политике нет, есть только целесообразность».

Целесообразность сохранения и укрепления власти партии, романтически называемая «революционной целесообразностью», проявлялась далее во множестве ленинских указаний: поощрять массовый террор, расстреливать без «идиотской волокиты» (т.е. без суда), «повесить (неприменно повесить, дабы народ видел)» не меньше определенного числа классовых врагов, брать заложников, загородиться от врага живой изгородью из десяти тысяч буржуев, за которыми поставить пулеметы, ограбить церковь (назвав это изъятием ценностей), сжечь целый город (Баку), выдворить за границу или в ссылку элиту российской науки и т.д. И все это ради народа? Во имя диктатуры пролетариата? Эту мнимо классовую, властно-партийную логику развенчивают расправы над самим пролетариатом в 1918–1919 гг.: расстрел недовольных действиями советской власти трудящихся в Предуралье, на Урале, в Сибири и других местах, в том числе митинговавших рабочих в Астрахани (по С.П. Мельгунову, две тысячи жертв; может, меньше, может больше, сути не меняет); жесточайшее подавление Кронштадтского мятежа в 1921 г. Прав оказался, стало быть, осмеянный разномастными историками Керенский, когда на первом Всероссийском съезде Советов назвал Ленина и его соратников «держимордами старого режима», для которых главные средства политической борьбы: арестовать, разгромить, убить. (Еще правее Наум Коржавин: «Все обойтись могло с течением времени, / В порядок мог втянуться русский быт... / Какая сука разбудила Ленина? / Кому мешало, что ребенок спит?»)

Конечно, белый террор был ненамного лучше красного, но классово близкие себе слои белые не репрессировали. Ленин шел на это, потому что рассчитывал как на твердую опору только на «сознательных рабочих (при этом понимал, что таких «передовых и сознательных» в России мало). «Остальная масса» против нас, заявлял он. Ее надо было учить и воспитывать политически, в том числе методом устрашения («пусть видят и трепещут», говорил он), прививать ей трудовую этику, поскольку русский человек – «плохой работник» в сравнении с трудящимися передовых капиталистических стран.

Испытывая почти паническую боязнь потери власти в неустойчивой военно-политической ситуации лета 1918 г. (ибо проигрыш означал бы уход и полное забвение Ленина и его партии), руководство большевиков совершило еще более жуткое преступление, чем французские якобинцы, казнившие Людовика XVI и Марию-Антуанетту. Те были гильотинированы по решению Конвента путем голосования (праведному или неправедному решению – другое дело). Николая II и его семью расстреляли без суда и следствия из-за угрозы захвата Екатеринбурга белочехами, а поскольку детей императора и судить-то было не за что, в прессе сообщили, что казнен один самодержец, а его семья перевезена в «надежное место». (В сентябре 1941 г. точно так же ввиду приближения войск вермахта были расстреляны политические узники орловской тюрьмы, включая Марию Спиридонову,



боровшуюся вместе со своими соратниками – левыми эсерами, как и Ленин, против царизма. Этот акт – не вина Ленина, но следствие инициированного им порядка внесудебной ликвидации политических противников.)

Будучи в политике прагматиком и законченным циником, Ленин тем не менее оставался человеком идеи. Всепоглощающей и немеркнувшей, способной адаптироваться к меняющимся условиям (наиболее яркие примеры – допущение возможности антикапиталистической революции в одной, притом не самой передовой стране; после победы революции переход от военного коммунизма к нэпу). Эта идея состояла из двух частей/задач: 1) совершить революцию; 2) заменить капиталистический общественный строй социалистическим. Для выполнения первой задачи было необходимо создать дисциплинированную партию – и Ленин ее создал; для выполнения второй задачи создать новое государство – Ленин создал и его. Тут ни убавить, ни прибавить, а споры могут носить только ценностный характер – хорошо это или плохо. По масштабам XX в. как деструктивная, так и креативная деятельность Ленина не знала равных.

Полагаю, однако, что было бы неверно считать Ленина создателем тоталитарного режима. Незачем было бы ему призывать к обучению кухаркиных детей искусству государственного управления, если цель государства – тоталитарный контроль над обществом; для этого хватило бы и ЧК. Ленин не зажимал, а поощрял внутривнутрипартийные дискуссии, требуя одного – всей партии подчиняться принятым решениям. Впрочем, в этом он не был оригинален. Нет и не было такой политической организации, руководство которой поощряло бы фракционность. Критики в свой адрес Ленин не боялся, можно сказать, он ждал ее, так как получал возможность лишней раз изложить свою точку зрения и «приложить» оппонентов. Когда в партийных инстанциях обсуждались меняющиеся условия мира с Германией на переговорах в Брест-Литовске, Ленин шесть раз (подсчитали историки) оставался в меньшинстве, однако все же продавил подписание мирного договора. Злопамятным, в отличие от своего «верного ученика», не был.

Но черты личности Ленина и стиль его руководства, веи его побед и поражений (конечно, были и поражения, взять хотя бы его призывы к гражданской войне в период двоевластия весной-летом 1917 г., приведшие к его преследованию и поставившие всю работу партии под угрозу), – все это имеет самое отдаленное, самое минимальное отношение к современности, так как те исторические условия и сложившаяся ситуация повториться сейчас не могут, и извлечь из них полезный опыт нигде и некому. Тактическое наследие Ленина вряд ли дождет своей востребованности.

Тем интересней, обсуждая ленинскую тему, посмотреть, насколько актуально сейчас его *стратегическое, теоретическое* наследие.

Проф. Краус отмечает, что в ленинском труде «О развитии капитализма в России» «каждая страница против существующей общественной системы». Можно понять так, что против российского капитализма не только конца XIX в., но и начала XXI. И это верно. Но еще более верно то, что докладчик говорит далее: «Ленин ушел... повторения прошлого не будет». Действительно, «продолжающаяся борьба» против Ленина – теперь это *modus operandi* небольших групп интеллектуалов. Когда во второй половине 1980-х годов часть советских коммунистов во главе с М.С. Горбачевым пыталась ради сохранения общественного строя реанимировать соображения Ленина о нэпе и будущем социалистического строительства, дискуссии об актуальности ленинизма (употребляю термин «ленинизм» очень условно, он годится для обозначения теории и практики революционной борьбы, но не государственного созидания) были действительно важны. Однако строй подремонтировать не удалось, и, как говорит Т. Краус, Ленин ушел вместе с ним. Тогда в чем сохраняющаяся актуальность ленинских теоретических работ и его соображений по поводу социалистического строительства в России?

Для того чтобы обнажать системные недостатки нынешнего социального порядка в России, Ленин не нужен. Они видны и без Ленина. После него и вплоть до настоящего времени сотни компетентных исследователей самой разной идеологической ориентации показывали (и показали) эти системные недостатки на примере развитых капиталистических стран и государств капиталистической периферии. Капитализма второй половины XX в. Ленин не предвидел – этот капитализм, вместо того чтобы породить пролетарскую революцию, похоронил все надежды на нее. Здесь главный стратегический просчет Ленина; он почуял недоброе, когда были подавлены революции и вооруженные восстания в Европе, но пересмотреть свою теорию революции не смог или не успел.

Для того чтобы понять, что социализм (как, впрочем, и капитализм, и любая другая общественная система) не вводится декретами, Ленин тоже не нужен. России в ее нынешнем состоянии никакой социализм не светит. Так называемый скандинавский социализм был бы предметом мечтаний, но он предельно далек и от ленинского теоретического наследия, и от нынешней российской действительности.

Для того чтобы обличить бюрократию, которую Ленин (как и Троцкий) смертельно ненавидел, он сейчас тоже не нужен. Другая страна, другой бюрократ (побратавшийся с предпринимателем), а если что и общее, так это невозможность одолеть бюрократию. Ни с Лениным, ни без Ленина. Впрочем, это, как и практически безнадежная борьба с коррупцией, не вопрос теории.

Даже для того, чтобы разжечь революционный пожар в отсталых странах (о развитых речи нет), где больше горючего материала для социального протеста, Владимир Ильич не нужен. Скорее уж сгодился бы Ильич Рамирес Санчес, но только, чтобы бомбы бросать, а не вершить социальную революцию. В этом, может быть, и есть продление жизни Ленина – назовет какой-нибудь радикальный интеллигент в розовеющей Латинской Америке свое чадо «Ильич» или даже «Ленин» и возьмет это чадо в руки уже не «Государство и революцию», а взрывное устройство, чтобы пополнить ряды террористов, последователей народовольцев, эсеров, Камо Тер-Петросяна и Кобы. Только не он станет анафемой погрязшего в потребительском довольстве цивилизованного мира, а террорист этнонационалистического или конфессионального покроя. Опять не по-Ленину. (Но в данном случае – и слава Богу, с Россией будет меньше негативных ассоциаций.)

Изменить такой ход вещей может только глобальная катастрофа, подобная той, которой явилась Первая мировая война и без которой не было бы русской революции, да и о Ленине знали бы только историки. Существование исторической науки остается главным залогом памяти о вожде большевиков. О нем будут писать и в будущем – и, вероятно, во все более спокойных тонах, как пишут сейчас о великих революционерах Запада.